

дов Кузбасса, а в некоторых из них он сменился убылью. Так, людность Нижневартовска и Сургута в основном за счет миграции увеличилась в 1970–1989 гг. в 15,4 и 7,3 раза соответственно. Из пяти городов Кемеровской области повышение численности населения было зафиксировано в Ленинск-Кузнецком (+25,2 %) и Междуреченске (+96,4 %) ¹⁵, тогда как в Прокопьевске, Киселевске и Анжеро-Судженске оно сократилось соответственно на 2,9 %, 2,0 и 6,6 % ¹⁶.

Что касается малых городских поселений, к которым можно отнести населенные пункты с людностью менее 50 тыс. чел., то их динамика в общероссийском контексте оказалась следующей. Так, в количественном отношении эта категория возросла с 2238 до 2900, а ее население увеличилось с 23 338,4 тыс. до 29 312,3 тыс. чел. (+25,6 %), но удельный вес снизился с 37,6 до 27,2 %. Снижение роли малых городских поселений в ходе урбанизационного перехода является одним из объективных процессов, свидетельствующих о наступлении его зрелой фазы, когда индустриализация пережила свою первоначальную стадию, в основном уже определилась группа городов-лидеров, а существующая хозяйственная структура устоялась и не претерпевает радикальных изменений. На этом фоне небольшие городские поселения начинают проигрывать своим более крупным собратьям, особенно если их экономический потенциал растет медленно, не получая дополнительных импульсов извне.

Между тем в Западной Сибири, как в сравнительно малозаселенном районе, роль малых городов снизилась в меньшей степени. Для освоения больших пространств при низкой плотности населения требовалась густая сеть городских поселений, поэтому нередко применялась практика административных пре-

образований больших сел в поселки городского типа. Кроме того, огромную роль сыграло начало разработки месторождений нефти и газа северных территорий, потребовавшее создания большого количества новых населенных пунктов. В этой связи количество малых городов и поселков городского типа увеличилось здесь на 73,2 % (с 138 до 239), а численность их жителей – на 57,8 %, но удельный вес этой категории снизился, хотя и не в такой мере, как по РСФСР (с 30,9 до 25,7 %) ¹⁷.

В заключение следует сказать о том, что в Западной Сибири переход к интенсивной стадии урбанизации имел свои особенности. С одной стороны, произошло снижение темпов повышения количества горожан, зафиксирован значительный в абсолютных показателях рост численности населения в крупных городских поселениях. Вместе с тем роль экстенсивных факторов урбанизации продолжала оставаться высокой за счет увеличения численности и удельного веса средних городских поселений и высокой градообразовательной активности. Влияние формирующегося Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса оказалось значительным, однако все же недостаточным, чтобы в корне изменить здесь ход урбанизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.
2. *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1: Население. Экономика.
3. История промышленности Новосибирска. Новосибирск, 2005. Т. 4: Запас прочности (1946–1985).

*Статья поступила
в редакцию 19.11.2012*

УДК 94(47+57)+271.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

РЕАЛИИ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА В СОЧИНЕНИИ НОВОКУЗНЕЦКОГО СТАРОВОБРА*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: nnpokrov@gmail.com

В статье исследуются эсхатологические представления токаревых, ответвления старообрядческого согласия поморцев, в 80-е гг. XX в. Изучается связь с эсхатологической поморской традицией XVIII–XIX вв. и отражение реалий XX в. в собственных теоретических построениях.

Ключевые слова: старообрядчество, пророки, эсхатология, антихрист, конец света.

¹⁵ Значительный демографический рост Междуреченска был связан с резким повышением спроса на коксующий уголь в стране.

¹⁶ Численность населения РСФСР. С. 303, 304; Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения... С. 199.

¹⁷ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения. С. 38, 46, 50, 54; Городские поселения РСФСР... С. 62, 118.

*Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект 33.4.1.

Токаревский толк в старообрядческом поморском согласии связан с именем жителя Городца Нижегородской губ. Г.Е. Токарева. В 1905, 1909, 1912 гг. на соборах Поморской церкви происходили увещания Токарева, не признававшего каноничным изображение Бога-Отца. Поморцы указали на то, что запрет изображать Бога-Отца был принят на антистарообрядческом соборе 1667 г. Самарский собор 1905 г. квалифицировал мнение Токарева «близким к латинству», следовательно – еретическим, и постановил отлучить его от Церкви¹. Несмотря на это, Г.Е. Токарев сумел приобрести сторонников, в том числе и в Сибири.

В последней четверти XX в. в небольшой общине новокузнецких поморцев-токаревцев появился незаурядный проповедник-книжник – Ермил Матвеевич Пермяков, которому принадлежит несколько сочинений. Размышлял он и на всегда популярную в старообрядчестве тему близкого конца света. Ей он посвятил свое самое крупное произведение (чуть менее 200 листов с оборотами), которое назвал «Книга “Тайны пророческие”»². Оно написано автором в линованной тетради современной скорописью, имеет дату: 23.07.87 г. (л. 1а).

Сразу встает вопрос, в каком отношении эсхатологические воззрения Е.М. Пермякова находятся с поморской теорией конца света, разработанной в предыдущий период. Исследовавшая эсхатологию поморцев XVIII в. Н.С. Гурьянова отметила следующие ее особенности. Уже лидер выговских поморцев начала XVIII в. А. Денисов считал, что антихрист воцарился во всем мире, так как в результате реформы патриарха Никона, с 1666 г., пал последний оплот истинной церкви – третий Рим, т.е. Россия. Следовательно, наступили «последние времена». Антихрист понимался при этом не как определенное лицо («чувственный»), но символически – как духовное порабощение церкви и всего мира. Не буквально, а иносказательно оценивались предсказания о печати антихриста, под которой теперь понимали «никонианское» крещение и трехперстное сложение при крестном знамении. Пришествие пророков Илии и Еноха перед концом света также считали иносказанием. Антигосударственная при своем возникновении теория духовного антихриста в течение XVIII в. изменялась вместе с переменой отношения к власти, особенно со времени отказа Выга от немоления за царя в конце 1730-х гг.: область действия антихриста сначала объявили только церковь, потом исчезла и эта трактовка, а текущую действительность перестали истолковывать через эсхатологию [1, с. 22–32].

Многие традиционные взгляды поморцев обнаруживаются и у Е.М. Пермякова. Так, в отличие от многих членов более радикальных старообрядческих согласий, он вполне толерантен к власти: «Покарайся власти, – писал он, – всякая власть от Бога есть». Не-

сомненно, ему было хорошо известно о преследованиях староверов-поморцев, как и других верующих, со стороны атеистического государства, но единственной допустимой формой сопротивления он считал отказ отречься от Создателя, выраженный в предельно общей форме: «...если отнимают от тебя веру в Бога, то стой мужественно» (л. 7). Никакой конкретизации здесь в связи с событиями своего времени у Е.М. Пермякова не обнаруживается. Правда, временами у него прорывается отрицательное отношение к атеистическому государству. Антихрист, рассуждает в своем сочинении новокузнецкий старовер, объединит «много племен», чтобы «удобнее привлекать в свою власть... Сейчас государство многонациональное, удобнее обращаться ко всем, привлекая своей хитростью на прелесть... Теперь господствующий зверь не составляет уже одного племени, – развивает далее он свою мысль, – но объединяет в себе и собирает свою силу для военного строя от всех наречий...» (л. 73). Здесь прикровенно, но все же недвусмысленно утверждается антихристовая сущность той государственной власти, которой выше автор сочинения призывал покоряться. Впрочем, как считает Е.М. Пермяков, власть такова повсеместно: «Как сейчас творится во всем мире, всяк разумен да видит, не цари царей избирают, а всякие партии на власть садят, и все стремятся власть иметь духовную (партийную) и светскую». Именно антихрист, по учению церкви, объединит светскую и духовную власть и «вознесется паче всякого глаголемаго Бога» (л. 109 об.).

Рассуждая о конце света, Е.М. Пермяков пытается найти его признаки в современной ему жизни. Так, «мерзость запустения», которая, по пророку Даниилу, должна была воцариться перед кончиной мира на святых местах, понималась новокузнецким книжником следующим образом: «...образы человеческие будут почитаться на почетном месте. Это разумеется телевизор» (л. 15). Предсказанные ложные чудеса антихриста осуществляются и на наших глазах: «многие начнут видеть мертвых вставших, а они не встали, и хромы ходящих, а слепых прозирающих, а здравия не будет. Сейчас переставляют сердце, а ставят протезы, и всё только для прелесть, а на самом деле люди находятся в болезнях и недугах» (л. 110, 110 об.) В другом случае Е.М. Пермяков сравнивает дни Ноя с текущим временем, отмеченным агрессивной атеистической пропагандой: «При жизни люди ругались составлению ковчега, что строил Ной; пришла вода и погубила всех. Так и сейчас ругаются о словах пришествия Христова, но внезапно придет день скончания» (л. 17). Цитируя текст «Большого катихизиса» о знамениях «пред судным днем», новокузнецкий старовер дает свои привязки к современности: суду Христа будет предшествовать война («о войне предположение есть»), солнце закроет тьма «от взрыва», «Будет морской шум страшен и рыкание от великих волн, возгремит как гром... (от взрывной волны на море)» (л. 89–90).

В кратких комментариях Е.М. Пермякова к выдержке из «Большого катихизиса» Лаврентия Зизания

¹ Собрание Института истории СО РАН. № 9/09-г. Л. 19, 20.

² Там же. № 13/08-г. Л. 1–191 об. В дальнейшем ссылки на сочинение даются в основном тексте в круглых скобках.

(изданного впервые в 1627 г. и затем многократно переиздававшегося староверами) отразились, возможно, как отголоски Второй мировой войны и атомная бомбардировка Японии, так и широко известные реалии «холодной войны» с ее испытаниями оружия массового поражения, в том числе и атомного. Ссылаясь на учение о том, что «духом Божиим утвержденная церковь не требует дней переменять, но во своих преданиях стоит непременно до скончания века», Е.М. Пермяков считает, что «скончание века» уже при дверях, потому что «на 13 дней изменено» (л. 92). Несомненно, здесь имеется в виду введение григорианского календаря в 1918 г.

Размышляя о предшествующих концу света событиях, Е.М. Пермяков касается проблемы появления на земле накануне второго пришествия двух «свидетелей» Апокалипсиса, которых святоотеческая литература считала ветхозаветными Енохом и Илией, взятыми, по Писанию, живыми на небо; появиться же вновь они должны были для проповеди сопротивления антихристу и борьбы с ним. Как и большинство беспоповцев, сторонников теории духовного антихриста, Е.М. Пермяков отказывается верить в повторное появление на земле Илии и Еноха «чувственно»: «Пред вторым Христовым пришествием нет оснований видеть Илию и Еноха, но можно предположить, что это будут лица, по своей ревности и другим свойствам подобныя Или и Еноху, которые будут бороться с антихристом» (л. 21 об.). И если единомышленники сибирского токареца в прежние века не отваживались отвергать учение св. отцов о Илье и Енохе, предлагая лишь толковать его иносказательно, «духовно», то сам Е.М. Пермяков мыслит гораздо радикальнее: «Нет основания относить к Или и Еноху о двух свидетелях, которых пред концом мира убьет зверь, выходящий из бездны. Это свойственно относить слепым, не знающим Святого Писания иудеям, которые в своих ожиданиях ждут Илию как предшественника мессии» (л. 22 об.). При этом он нигде не опровергает святоотеческого учения формально; наоборот, демонстрирует пиетет перед именами таких учителей церкви, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и др. (л. 24).

Традиционно для беспоповцев, т.е. «духовно», Е.М. Пермяков толкует и указанный в Откровении Иоанна Богослова срок земной власти антихриста, 42 месяца (или, по пророку Даниилу, «времени, времен и полувремени», которые христианские толкователи также интерпретировали как три с половиной года)³. Е.М. Пермяков переводит 42 месяца в дни; в итоге у него получилось число 1260 (видимо, он считал по 30 дней в месяце). Интересно, что в другом месте своего сочинения автор со всем пиететом приводит иные числа – 1290 и 1335, содержащиеся в старообрядческом тексте «О скончании мира и о антихристе», который приписывается Ипполиту Римскому (л. 74). Далее Е.М. Пермяков применяет привычный метод иносказа-

тельного истолкования, неожиданно выбрав в качестве символа Троицу, которой он вообще посвящает немало внимания в своих сочинениях при обосновании учения токарецев. Новокузнецкий книжник разлагает получившееся у него число дней власти антихриста на составные части: 1000, 200 и 60. Первое число, как «совершенное и полное», состоящее из 10 сотен, у него символизирует Бога Отца, второе – Бога Духа Святого, третье – Христа (л. 25, 25 об.).

Известно, что метод символического истолкования священных чисел был популярен как в средневековой, так и в более поздней христианской литературе, использовался в 30-й главе «Книги о вере» при создании теории трех отступлений мира во власть сатаны и был унаследован старообрядчеством [2, с. 14; 3, с. 141; 4, с. 148]. Однако Е.М. Пермяков на предложенной им символике времени антихристового владычества не задержался, а предпочел оговориться: «Точного определенного числа нет, но скрыто в тайне Божией... Нет определенного, чтоб изчислять время, поэтому нужно вооружиться терпением... Понимать его буквально нет возможности, это число таинственное, которого настоящий счет нам неизвестен» (л. 25 об., 26). Печать антихриста, которой со времени возникновения староверия посвящено огромное количество истолкований, по мнению Е.М. Пермякова, – отвержение крестного знамения: «А антихрист... даст... печать, не на всех удах тела, но на правой руке и на челе сотворит образ, человек не будет покладать крест правой рукой на чело свое» (л. 80 об., 81). Обосновывает свое толкование антихристовой печати новокузнецкий книжник ссылкой на то, что именно крестное знамение – верное оружие против сатаны, который не может победить, пока люди от него не откажутся: «Знает хорошо окейный, что крестное знамение разрушает ему всю силу, как свеча дает свет в темноте, так и крестное знамение возносится на чело и разрушает вражью силу» (л. 81).

Для таинственных ветхо- и новозаветных народов Гога и Магога⁴ Е.М. Пермяков предлагает свою символику, как до него – многие его предшественники-поморцы, начиная с А. Денисова [1, с. 24]. Последний считал, что здесь подразумевается сам антихрист (Гог) и его полки (Магог); мысль новокузнецкого книжника двигалась по близким рельсам: он интерпретировал Гога как ересеначальников, а Магога – их последователей (л. 31 об.). Спектр этих истолкований в беспоповщине чрезвычайно велик и в основном зависит от фантазии толкователей.

Метод «духовных» толкований Е.М. Пермякова хорошо демонстрируют его объяснения притчи об антихристе, которая представляет собой образец старообрядческого фольклора: «Притча о антихристе. Некто родится на лице поля в ноши тьмою, пленами не повит, водою не омыт, и солнце на него не возсияет, возрасту же его мир радуется» (л. 68). Ночная тьма интерпретируется толкователем как «время... когда пре-

³ Откр 13: 5; Дан 12: 7.

⁴ Откр 20: 7.

умножится тьма всякого беззакония и безверия»; «пеленами не повит» – значит «евангельским заповедом не повинуется», водою не омыт – то есть «водою крещения не чистится». «Солнце на него не возсияет» – иначе говоря, «Христос в сердцах... не сияет». Что же касается слов притчи о радости мира по поводу рождения антихриста, то они означают, утверждает толкователь, что ожидают его «жидове, измаильтяне, татары и все подобно им – неверные люди» (л. 68 об.).

Убеждая тех, кто сомневался в теории духовного антихриста, Е.М. Пермяков пишет: «...сейчас мы живем в дни царства Антихриста в полной силе. Многие могут сказать, что мы не дошли царства антихриста, но живем в полном благополучии, не испытываем насилия антихриста... Убийство приходит не чувственное, но умное. Язычники много погубляли христиан, но не было им такой радости, как привести их к своему зловерию. Сейчас христиане самовольно избирают себе богов, а именно: кто чреву работает как Богу, кто в сребролюбие впал, кто в пьянстве пребывает и блуд совершает... Если будем ждать чувственного гонения, то придем к тому, что гнать уже будет некого... В любой семье и селе сами по себе верные искореняются не пытками, но сладостью плотских вожделений, ибо... творит то, что диктует ему мир» (л. 75–77). Таким образом, по мнению кузнецкого поморца-токаревца, один из самых значимых признаков присутствия антихриста в современном ему мире – внешне благополучная, сытая жизнь и отсутствие «чувственных» гонений. Блага «советского образа жизни», в частности, медицинская помощь рассматриваются им как ложные чудеса антихриста, направленные на прельщение человеческого рода, в том числе и правоверных христиан. Е.М. Пермяков не был одинок в подобной оценке заключительного периода советского социализма. Близкие взгляды можно встретить у его современников, староверов других согласий: часовенного А.Г. Мурачева (хотя он и был сторонником теории «чувственного» антихриста, рассматривал текущее время как преддверие конца света, характерное господством не антихриста, а его слуг и предшественников), средника Н.Ф. Иванова и др. [5, с. 312, 380–383; 6, с. 30; 7, с. 597, 602].

Особая роль в прельщении антихристом христиан, как считает Е.М. Пермяков, принадлежит западу: «...запад – помрачение, всюду торжествует еретическое учение» (л. 76). (Заметим, что несколько позже А.Г. Мурачеву пришлось обличать ранее авторитетных для него старцев Дубчесских скитов в следовании еретическим, заимствованным у протестантов мнениям, согласно которым штрих-код символизирует «начертание» антихриста и т.д. [8, с. 284]). Забота о земном благополучии, как уже отмечалось выше, – другая «прелесть» антихриста, причем сюда же токаревец отнес и весьма популярные в 1970–1980-е гг. садово-огородные увлечения населения: «Особенно будут прельщаться те, которые возлюбят свое тело и будут ему работать, как Богу, погубляя свободное время, данное на спасение души. А другие будут заниматься трудо-

любием в садах и огородах, ожидая полноценных плодов, но не получают их вовремя и качеством за человеческие согрешения» (л. 111).

Каковы же, по мнению токаревского книжника, пути спасения в царстве духовного антихриста? Сочинение Е.М. Пермякова недаром начинается заветом детям: «Христианское духовное завещание от отца к детям» (л. 1а–3 об.). В начале его – напоминание о смертном часе, когда придется давать ответ за земную жизнь: «В подвиге и во многом страхе придется быть, и множество мрачных бесов безчеловечных встретят ее, и никто в этом пути ей не поможет, или оправдана, или осуждена должна быть от дел своих, и воспримет душа благая или злая» (л. 1). Напомнив детям о правилах обряда погребения, автор завещает им молиться о своем родителе, который их «возрастил... и наставлял... закону Божию и всем господним христианским заповедом»; он просит не забыть и обязательную заботу о матери: «Помяните её труды и болезни, которые она имела в рождении и воспитании вашем» (л. 1 об.). Почтение к родителям всегда было одной из важных идей христианской системы этики; в полной мере это относится и к жизненным устоям старообрядцев. Семье принадлежала едва ли не главная роль в воспроизведении культурно-конфессиональной модели личности в старообрядческой общине, в особенности, если последняя была слаба и малочисленна, на грани упадка. По всей видимости, старообрядческий толк токаревец находил именно в таком положении.

Если антихристово прельщение состоит в увлечении земными благами, то спасение от него – в строгом следовании заповедям Божиим, чтении Священного Писания и наставлений святых отцов. Е.М. Пермяков на листах своего обширного сочинения не раз обращается к традиционной системе ценностей православия, убеждая, что только в ней можно найти пути спасения. Он убеждает своих читателей «отвергнуться» пьянства, блуда, чревоугодия, вообще любой роскоши, смешения с еретиками (в том числе и брачного, без чего было почти невозможно обойтись в небольшом старообрядческом толке) и т.д. Желающие спастись должны «возлюбить пост с воздержанием», который спасет их от злых помыслов. Нужно вспомнить о милостыне и делиться с неимущими, нужно с терпением переносить любые напасти, в том числе и болезни, которые посылаются Богом для «приведения в истинный разум» грешников. Наконец, необходимо отказаться от своей воли, найдя добродетельного наставника, который научит утопающего в страстях правильной жизни и противостоянию антихристу (л. 6, 9, 9 об., 37–38, 44, 46, 47 об., 48, 179 и др.). Обязательное условие спасения – искреннее покаяние. В условиях отсутствия не только духовенства, но временами и духовного отца из мирян, обычного у беспоповцев, очень трудно рассчитывать на полноценную исповедь и причастие. Однако в «последние времена», как считает Е.М. Пермяков, при отсутствии пастырей и учителей и даже просто верных

христиан, за причастие Бог может зачесть его страстное желание: «...когда христианин живет в неверной стране, среди его живут язычники, или в плену, в тюрьме, где нет возможности избрать себе духовника к покаянию, то кайся к единому Богу в тайне сердца своего... когда христианин больной, живущий... не в православном доме, и никто не желает пригласить к нему духовника, хоть и больной всеусердно просит... ибо Господь сопричтет его себе, видя его слезы и желание» (л. 170 об., 171). Удивительное убеждение в том, что причастие в исключительных обстоятельствах может быть заменено страстным его желанием, — не изобретение новокузнецкого токаревца. Об этом можно было прочесть в сочинениях сибирских староверов-часовенных, начиная с XVIII в.; об этом писал и дальневосточный проповедник из почти вымершего старообрядческого согласия средников. Положение о «виртуальном причастии» попало к староверам из киевской литературы XVII — начала XVIII в., имевшей некоторое количество католических заимствований [5, с. 140, 167; 9, с. 29; 10, с. 21, 22].

В последние десятилетия существования советского строя массовые жестокие преследования всех конфессиональных объединений, направленные на физическое уничтожение их членов, всё больше заменялись мерами «перевоспитания» с помощью антирелигиозной пропаганды, правда, с периодическим возвратом к прежнему, когда неугодные в тех же воспитательных целях отправлялись по тюрьмам, а их храмы и монастыри разрушались. И все же жизнь стала более спокойной и относительно сытой. Старообрядческие общины разных направлений (и поповцы, и беспоповцы всевозможных толков) пытались осмыслить эти перемены — и как правило, в традиционных категориях близкого конца света. В прошлое ушли сочинения, в которых староверы сравнивались с первыми христианами-мучениками, тысячами умиравшими за веру. Парадоксом выглядело то, что в наступившие сравнительно спокойные времена старообрядческие

общины продолжали разрушаться уже в ходе контактов с окружавшей их «мирской» безрелигиозной советской культурой. Старообрядчество выдвигает писателей, которые предлагают свои варианты истолкования этого процесса. Е.М. Пермьяков — один из них, и то, что он принадлежал к чрезвычайно маленькой общности, находившейся на грани исчезновения, лишь обостряло ощущение наступившей перемены — торжества социализма — как преддверия конца света, кануна второго пришествия Христа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
2. Покровский Н.Н. Предисловие // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999.
3. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005.
4. Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодалного протеста в истории России: спецкурс. Калинин, 1971. Ч. 1.
5. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.
6. Зольникова Н.Д. Амурские средники в третьей четверти XX в. по материалам Собрания рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3.
7. Зольникова Н.Д. Эсхатологическое сочинение амурского старовера-средника (вторая половина XX в.) // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008.
8. Зольникова Н.Д. Мемуары А.Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX — начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010.
9. Зольникова Н.Д. Проповедь среди «чужих» (амурские средники во второй половине XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3.
10. Зольникова Н.Д. Урало-сибирские книжники-часовенные: работа с источником // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3.

Статья поступила
в редакцию 09.11.2012